

**ИСПОВЕДАЛЬНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ:
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ» КАК КОНЦЕПТ**

Розглянуто один з жанрів документально-художньої прози, в основі якого лежить «людський документ». На прикладі творчості С. Алексієвич проаналізовано жанрові особливості цих творів і зроблено висновок про те, що такі повісті об'єднують у собі риси як документальної літератури, так і публіцистики. Нон-фікшн – художньо-публіцистичний жанр літератури, основними особливостями якого є занурення у світ героїв, документально точне зображення подій і персонажів. Сповідально-публіцистична повість, в основі якої лежить людський документ, зародившись як повість-спогад, сьогодні стає документом сучасних подій, і її нинішній стан вимагає всебічного літературознавчого розгляду.

Ключові слова: документальна література; документ; документалізм; публіцистика; жанр; концепт; повість.

Рассмотрен один из жанров документально-художественной прозы, в основе которого лежит «человеческий документ». На примере творчества С. Алексиевич проанализированы жанровые особенности этих произведений и сделан вывод о том, что такие повести объединяют в себе черты как документальной литературы, так и публицистики. Нон-фикшн – художественно-публицистический жанр литературы, основными особенностями которого является документально точное изображение событий и персонажей. Исповедально-публицистическая повесть, в основе которой лежит человеческий документ, зародившись как повесть-воспоминание, сегодня становится документом современных событий, и ее нынешнее состояние требует всестороннего литературоведческого рассмотрения.

Ключевые слова: документальная литература; документ; документализм; публицистика; жанр; концепт; повесть.

The article deals with one of non-fiction literary genres which is based on «human document». S. Alexievich's works are analyzed and concludes that her novels combines features of both nonfiction and journalism. Non-fiction is a literary both artistic and journalistic genre, the main features of which are dipping into the world of the characters, documentary image of events and characters. Alexievich specialized in crafting narratives based on witness testimonies. In the process, she wrote oral histories of several dramatic

events in Soviet history: the Second World War, the Afghan War, the fall of the Soviet Union, and the Chernobyl disaster. Her books trace the emotional history of the Soviet and post-Soviet individual through carefully constructed collages of interviews. Her books deal with historical crises through the voices of ordinary individuals. This is oral history stripped down to segments so raw that it can stretch both credulity and the reader's tolerance for pain. It's obvious that S. Alexievich's works are bold and experimental literary approach. Both confessional and journalistic novel which is based on human document began as a story– memory, today it is a document of current events, and it current state requires a comprehensive literary review.

Keywords: non-fiction; document; documentalism; journalism; genre; concept; novel.

Картина отечественной литературы второй половины XX – начала XXI века будет неполной без включения в ее контекст художественно-документальных произведений. Не умаляя достоинств собственно художественной прозы, стоит отметить особый эффект воздействия художественной документалистики. Подлинность изображаемого обеспечивает повышенный интерес читателя и более высокую степень эмоционального восприятия произведения.

Причины, вызвавшие активизацию в современной литературе документальности, разнообразны. Это как и огромная потребность в достоверном знании о мире, полностью удовлетворить которое невозможно за счет обычных средств информации, так и внутрилитературные творческие искания.

Актуальность исследуемой темы в значительной мере обусловлена тем, что изучение жанровой эволюции художественно-документальной прозы второй половины XX – начала XXI в. позволяет выявить и отчасти прогнозировать некоторые закономерности и направления развития современного литературного процесса. Несмотря на то, что документальная литература и документалистика в целом не обойдены вниманием исследователей (работы А. Адамовича, Л. К. Оляндер, И. Б. Роднянской, В. Кардина, Е. А. Гусевой и др.), тем не менее особенности поэтики документальной прозы, обусловленные ее жанровым определением, изучены в недостаточной мере.

С 80-х годов XX в. в документальной литературе широко используется так называемый «человеческий документ» – записанные на магнитофон и включенные в произведение свидетельства участников определенных, как правило, трагических и драматических событий. Принципиально новые формы работы с таким документом вызвал к жизни новую форму повести, в которой документализм определяет такие свойства произведения, как «жесткий» реализм, расширение понятия эстетического в литературе, углубление категории трагического. Современные критики отмечают, что становление документального начала в литературе сопровождается возникновением большого количества «гибридных жанров», по выражению М. М. Бахтина.

Подобное жанровое взаимодействие не осталось незамеченным критикой и литературоведением: в обиход уже вошли такие жанровые маркировки подобных текстов, как «магнитофонная литература», «художественный документ», «сконструированная документальная проза», «художественно-документальная стенография», «репортаж с места исторического события», «роман-свидетельство», «книга-оратория», «соборный роман», «эпически-хоровая проза», «жанр голосов». Подобная проза представлена произведениями украинских авторов Е. Гуцало «Из огня воскресли» (1976), В. Яворивского «Вечные Кортелисы» (1980), Ю. Щербака «Чернобыль» (1987), Л. Коваленко и В. Маняк «33-й: голод» (1991); белорусов А. Адамовича «Иди и смотри» (1984), циклом документальных повестей С. Алексиевич.

Именно присуждение Нобелевской премии в области литературы за 2015 г. С. Алексиевич дало импульс для разговора о новых возможностях документальной прозы, ее перспективах и жанровом своеобразии. Цель нашей статьи – определить жанровое своеобразие цикла документальных повестей писательницы.

Уже много лет автор работает в собственном, созданном ею самой, жанре, который она определяет как «роман голосов» – о реальных событиях рассказывают реальные люди, их участники.

Несмотря на популярность книг Алексиевич, вопрос о жанре, в котором работает писательница, остается одной из широко обсуждаемых тем. Это продемонстрировали и споры, разразившиеся после присуждения ей Нобелевской премии. Во многих англоязычных медиа литературная форма Алексиевич скупно определяется как «нон-фикшн». Однако эта формулировка не дает представления об уникальности ее метода. Светлана Алексиевич слагает свои повествования о жизни в условиях советского и постсоветского эксперимента, используя в качестве главного и единственного инструмента голоса реальных людей, записанные в сотнях интервью.

На невозможности художественного описания того «как одни люди героически убивали других, как они ненавидели» построено творчество С. Алексиевич. Ее книги «У войны не женское лицо» (1985), «Последние свидетели: сто недетских рассказов» (1985), «Цинковые мальчики» (1991), «Зачарованные смертью» (1994), «Чернобыльская молитва» (1997), «Время секунд хэнд» (2013) – это записи исповедей, рассказов, воспоминаний участников событий, художественный документ кровавой эпохи.

Первые три повести С. Алексиевич созданы на военном материале: воспоминания женщин-участниц Великой Отечественной войны; рассказы «детей войны»; боевые будни воинов-афганцев. Следует отметить, что в отечественной военной прозе выразились идейно-эстетические искания из авторов, стремившихся разрушить жесткие каноны так называемого «панорамного», лжеэпического повествования. Множество локальных войн, происходящих ежегодно на земле, всегда будут «подпитывать» этот литературный пласт, что произошло, например, с «афганской» или «чеченской» темой в русской литературе 1980–90-х годов («Цинковые мальчики» С. Алексиевич, «Кавказский пленный» В. Маканина, ранние рассказы и роман «Знак зверя» О. Ермакова), или же служить напоминанием о недопустимости забвения военных трагедий XX века («Прокляты и убиты» В. Астафьева). Событиям новейшей украинской истории посвящены книги Оксаны Забужко «Літопис самовидців: дев'ять місяців українського спротиву», О. Виноградова «Слово Майдану» и др.

По словам самой С. Алексиевич, она искала человека «потрясенного», подошедшего к пониманию собственной пограничности, уязвимости, смертности и желающего выговорится, ищущего адекватного собственной смертности Слова. Но в то же время это ее «образ времени», и автор стремится придать ему совершенную форму круга – модели мироздания. По словам самого автора: «Те книги, которые я пишу, – это своего рода проза. Это документ и в то же время мой образ времени. Я собираю подробности, чувства не только из отдельной человеческой жизни, но и из всего воздуха времени, его пространства, его голосов. Я не выдумываю, не домысливаю, а организовываю материал в самой действительности. Документ – это и те, кто мне рассказывает, документ – это и я, как человек со своим мировоззрением, ощущением» [1, с. 95]. Единство каждой документальной книги Алексиевич как отдельного произведения – это не просто высказывание о мире, и тем более не готовый раз и навсегда найденный смысл, а творческим усилием создаваемое художественное целое и заключенный в нем мир. Этот мир представляет собой внутреннее пространство постоянного поиска смысла, где реальный человек оставляет свой голос как неоспоримое доказательство этого процесса. Но внутреннее единство смысла становится возможным только благодаря внутренней динамике, постоянному разворачиванию значений документальных свидетельств, помещенных в это пространство автором. В силу особого эстетического дара, которым наделен автор, в книгу включаются только те факты, в которых субъективное ощущение подлинного смысла может выйти за пределы этого индивидуального опыта и стать фактом сознания других людей, возможно человечества в целом.

Информационная точность, открытость авторских суждений порождают сдержанную сдержанность стиливой манеры, когда слово используется в его прямом значении и фактически исключается образное, переносное его истолкование. Документальная проза лишена яркой эмоциональной окраски, но это обстоятельство не означает, что читатель совсем не испытывает эмоционального воздействия. Оно достигается определенным отбором фактов, их соотношением, комментированием, интерпретацией. Главное в этой литературе – событие, и гибридный жанр зависит от того, как именно описывается событие в разных типах невымышленного повествования. В свою очередь, документальная литература является своеобразным индикатором социальных изменений, с одной стороны, а с другой – очевидным маркером изменения самого понятия «литература», которая все чаще принимает вид «нон-фикшн».

Нон-фикшн – художественно-публицистический жанр литературы, основными особенностями которого являются погружение в мир героев, сугубо реалистичное и документально точное изображение событий и персонажей, изложение событий сквозь призму образного и эстетического восприятия автора, использование художественных приемов раскрытия образов и композиционная организация произведения «сцена за сценой».

Краеугольным камнем документальной литературы является присущая ей публицистичность, при которой авторское мнение, оценка изображаемого выражены открыто и представляют собой развернутое суждение. Смысл документального произведения прямо доводится до читателя, исключается возможность различных версий по поводу его содержания. Публицист обладает особым взглядом на действительность – видит не единичный факт, а круговую панораму, сотканную из переплетенных между собой фактов. В умении соединить реальное и идеальное, современное и прошлое, фактическое и эмоционально-образное и состоит особый дар публициста. Побудительным импульсом публицистики служит глубочайшая озабоченность автора большой общественной проблемой, стремление найти художественные средства для того, чтобы авторская позиция соединилась с мыслями и чувствами читателя.

«Жестокий» реализм, расширение понятия эстетического в литературе, углубление категории трагического, утверждение народного, – а, следовательно, и общечеловеческого – взгляда на трагические и драматические события жизни лежат в основе ее книг. Мы определяем жанровую разновидность документально-художественной повести С.Алексиевич как исповедально-публицистическую.

Исследователь творчества писательницы Е. Гапова полагает, что книги Нобелевского лауреата являются образцом моральной философии, способом обсуждения проблемы поиска смысла страдания, осуществляемого советским, а затем постсоветским человеком [2].

Исповедально-публицистическая повесть, в основе которой лежит человеческий документ, зародившись как повесть-воспоминание, сегодня становится документом современных событий, и ее нынешнее состояние требует всестороннего литературоведческого рассмотрения.

Библиографические ссылки

1. *Алексиевич С.* Суд над «Цинковыми мальчиками» (история в документах) / С. Алексиевич // Цинковые мальчики. Зачарованные смертью. Чернобыльская молитва. – М. : Остожье, 1998. – 236 с.
2. *Гапова Е.* Страдание и поиск смысла: «моральные революции» Светланы Алексиевич / Е. Гапова // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 1. – С. 4–11.

Поступила в редколлегию 15.03.2016 г.